

УДК 028+020(092)

DOI: 10.48164/2713-301X_2022_8_91

В.А. Бородина

Санкт-Петербург

Санкт-Петербургский государственный институт культуры

sevaread@yandex.ru

СОВРЕМЕННАЯ БИБЛИОПСИХОЛОГИЯ В КОНТЕКСТЕ НАСЛЕДИЯ Н.А. РУБАКИНА

Выдающийся русский просветитель Н.А. Рубакин оставил богатое научное наследие, связанное с изучением чтения, психологическими и педагогическими аспектами данного процесса. В статье рассматриваются основные теоретические положения библиопсихологии, показана востребованность данной сферы науки и практики для современных библиотек. Автор обозначает перспективы развития библиотечной психологии и библиотечной педагогики в условиях цифровизации чтения, доказывает, что предложения о переименовании библиопсихологии в ноокоммуникологию несостоятельны.

Ключевые слова: библиопсихология, эвристичность, психологизм, субъективность, социальность, библиопсихологические ценности, цифровизация, ноокоммуникология, трансдисциплинарность.

2022 год ознаменовался тремя юбилейными датами, связанными с великим русским библиотековедом, ученым-энциклопедистом Н.А. Рубакиным (1862–1946): 160-летием со дня его рождения, 100-летием выхода первого обобщающего труда по библиопсихологии на французском языке и 115-летием речи, произнесённой мыслителем при пожертвовании библиотеки матери в дар Петербургскому отделу Всероссийской Лиги образования. Библиотечная психология Н.А. Рубакина, получившая признание современников, представляется особенно актуальной и своевременной сейчас, в эпоху цифровизации. Она важна для развития библиотечной отрасли во всех трёх сферах (научной, образовательной, практической), поскольку интегрирует знания многих наук и научных дисциплин, решающих задачи организации информационно-когнитивной деятельности различных социальных субъектов.

В рубакинской библиопсихологии многие термины сегодня воспринимаются не совсем адекватно и не всегда ясно (прозрачно), особенно в части

теории мнемы, что приводит к аморфности понимания теоретических основ данной науки. В 20–30-е гг. XX в. апологеты марксистско-ленинской идеологии критиковали Н.А. Рубакина за излишний «психологизм» и «субъективность» при дифференциации наследственной, индивидуальной и социальной мнемы. Вероятно, излишняя «психологизация» была обусловлена сложностью объекта и предмета библиопсихологии, которые включали и врождённое, и приобретённое, и генетико-психологическое, и социальное. Давать интерпретацию в одной формулировке, в одном определении весь конструкт восприятия текста и текстовой деятельности оказалось весьма затруднительно и проблематично. Сопоставим в качестве примера концепции читателя С.Л. Вальдгарда и Н.А. Рубакина.

Характеризуя свои взгляды на чтение, С.Л. Вальдгард отмечал: «Читаю я, читатель, я интересуюсь, понимаю, соглашаюсь, усваиваю, эмоционально реагирую. Все это происходит в моем головном мозгу, в моем сознании, во мне как в субъекте поведения. Но в то же

время я воспринимаю от другого человека, он мне передает, и в этом состоит социальная сторона чтения, которая налагает особый социальный отпечаток и на все мои индивидуальные процессы интереса, понимания и пр.» [1, с. 9].

Нетрудно заметить, что на первом месте у С.Л. Вальдгарда всё те же «психологизм» и «субъективность», за которые он критиковал создателя библиопсихологии, но в его концепции они поставлены в зависимость от социальных факторов. Критик почему-то забывает, что восприятие текста осуществляется через другого человека, заложившего в текст собственную субъектность, психологизм и субъективизм.

Аналогично по смыслу, но другими словами, эта же концепция формулируется Н.А. Рубакиным: «Что ты, книга, можешь дать мне, личности человеческой, мне – такому, каков я есть, моему уму, моему чувству, моей жизни, борьбе, которую я веду, работе, которую я делаю или намерен делать, в тех условиях, в которые меня поставила судьба-фортуна или судьба-злодейка? <...> Я, личность, – судья всякой книги, и только я могу решить, что ты мне даёшь или можешь дать...» [2, с. 130-131]. Заметим, что любая книга (текст) является объектом деятельности другой личности, отражающей ту социальную среду, в которой она живёт или жила. Так что вряд ли мнение критиков «психологизма» Н.А. Рубакина в библиопсихологии выглядит убедительным.

Просветитель чётко обозначил свой взгляд на природу библиопсихологии, полагая, что это «...одна из социальных наук. С непростительной узостью взгляда некоторые авторы видят в библиопсихологии один из отделов индивидуальной психологии... Литература, книга, писатель, читатель и все книжное дело, суть явления социальные, равно как и человеческий язык. Создание¹, циркуляция, утилизация библиопсихологических ценно-

стей – явления социальные. Нет и не может быть в области книжного дела ни одного психического явления, которое не было бы обусловлено социальным фактором» [3, с. 39-40].

Научные оппоненты Н.А. Рубакина отдельные его мысли либо замалчивали (не увидели или не захотели увидеть), либо искажали. Внимательный и непредвзятый читатель-профессионал легко обнаружит сочетание психологического и социологического в самом определении библиопсихологии и его интерпретации: «Библиологической психологией, или, короче, библиопсихологией, мы называем *психологию книжного дела*² в процессе его эволюции и диссолюции, то есть развития и упадка, в связи с условиями окружающей социальной среды – места и времени... Авторство и читательство неотделимы от книжного дела вообще и находятся в функциональной зависимости как от него в целом, так и меж собою. Вне гигантского социального механизма, называемого книжным делом, ни авторство, ни читательство существовать не могут. От количественной и качественной стороны авторства зависит количественная и качественная сторона читательства. С другой стороны, стоит лишь, в ходе истории, измениться читательским вкусам и запросам, интересам и потребностям, нравам, обычаям и привычкам, – неизбежно приспособляется к этим переменам и авторство, и весь механизм книжного дела.

Поэтому изучать психологию того и другого можно лишь в связи с психологией книжного дела, – будь это издательство, или книготорговля, или библиотечное дело, или все другие его отрасли» [3, с. 16].

В этих суждениях Н.А. Рубакина есть весьма важный тезис, на который не принято обращать внимание. Он касается оценки качественной и количественной стороны авторства с читательством в контексте объективных изменений, происходящих в соци-

¹ Именно так Н.А. Рубакин обозначал процесс создания.

² Здесь и далее курсив Н.А. Рубакина.

ально-психологическом плане. В связи с этим в библиопсихологии оказалось возможным использование научного потенциала квалитологии и квалиметрии (науки о качестве и методах его количественной оценки).

Н.А. Рубакин констатировал: «...мы не можем не считаться с самым фактом наличности субъективных переживаний. Но совсем другое – вопрос о их объективном значении.

Интроспективные знания всякого субъективного переживания всегда и неизбежно остаются заведомо известными *только тому*, кто их переживает. Никакие точные знания о их качестве и количестве не могут быть переданы, объяснены никакому другому Я» [3, с. 18].

Вместе с тем он отмечал: «Стремясь к максимальной объективности и не доверяя никаким интроспективным данным, библиопсихолог ставит своей задачей борьбу с субъективностью и пристрастностью. С библиопсихологической точки зрения ещё вовсе недостаточно не доверять субъективности *исследуемых*; вместе с тем необходимо не доверять субъективности и *самого исследователя*: необходимо изучать и его самого, тоже по объективным проявлениям, а не по интроспективным его мнениям и вообще переживаниям...» [4, с. 42]. Поэтому поправка на субъективность в библиопсихологической теории развёртывается и на исследователя (наблюдателя), и на читателя, и на автора.

При этом не учитывается ещё один аспект субъективности, связанный с текстом. Традиционно текст рассматривается как объект. Но любой текст создаётся человеком (оставляем сейчас за скобками тексты, создаваемые с помощью компьютерных технологий), т. е. субъектом, а значит в тексте (интеллектуальном или интеллектуально-художественном продукте) отражается психология субъекта. И в зависимости от ценностей, намерений, желаний, смыслов и других психологических

составляющих автора определённая субъективность наличествует в тексте как объекте (созданном продукте). В настоящее время наметилась тенденция рассматривать взаимодействие автора и читателя (субъектов) с текстом как субъект-объектным явлением, что своевременно, логично и продуктивно в контексте коммуникации, которая трансформируется в условиях цифровизации всей интеллектуально-информационной деятельности.

Вместе с тем данный подход создаёт определённые трудности, о которых, в частности, писал Ю.А. Сорокин, критикуя мнематическую теорию Н.А. Рубакина за отсутствие четкого разграничения трёх сторон мнемы, особенно наследственной и индивидуальной. Границы между ними показались ему слишком расплывчатыми. Тем не менее, Ю.А. Сорокин признает, что это «совершенно естественно, если принять во внимание, что наука и до сих пор не может предложить удовлетворительного решения проблемы психического» [5, с. 20–21].

Отметим, что данная проблема не только остаётся, но и усугубляется созданием и широким распространением с помощью цифровых технологий мультимедийных продуктов, сложных семиотических конструктов. Их «утилизация», согласно терминологии Н.А. Рубакина, требует синтеза всех когнитивных явлений, что и происходит на самом деле. Но проблема их исследования в силу разных причин – весьма трудоёмкая и неопределённая, пока слабо решаемая ввиду трансдисциплинарности библиопсихологии. И здесь нельзя обойти вниманием взгляд Н.А. Рубакина на библиопсихологические ценности. Удивительно, насколько он был прозорлив и футуристичен в полисемиотическом подходе к их определению.

Процессы «создания» и изучения библиопсихологических ценностей чрезвычайно важны для современной библиопсихологии. К ним Н.А. Рубакин относил не только вербальные тексты,

но и произведения драматического искусства, музыки, живописи и даже пластику человека, речь во всех её проявлениях, обосновывал психологию всех видов искусств (в том числе фотографию и кинематографию), их взаимосвязь. Он отмечал и ту громадную роль в понимании, которую играют в книжном деле иллюстрации к текстам, диаграммы, чертежи и разная другая графика [4, с. 49].

При этом Н.А. Рубакин акцентировал особое внимание на дифференциации психических и материальных библиопсихологических ценностей. К «созданию» ценностей психических он относил психологию всех видов творчества: художественного (в том числе и литературного), научного, технического, общественного и т. д. Конечный эффект воздействия духовных ценностей на человеческую культуру и цивилизацию Н.А. Рубакин рассматривал в связи с действием других социальных факторов и как итог библиопсихологического творчества жизни.

К созданию ценностей материальных причастны профессии, формирующие материальную сторону книжного дела, те, кто участвует в процессе производства бумаги, краски, шрифта, печатных машин и т. п. Но их влияние сказывается и на психической стороне. Н.А. Рубакин констатировал, что «процесс создания книги, обнимающий как создание “содержания” её, так и её ореола, есть процесс единый, целостный, а его психология – одна из глав библиопсихологии» [4, с. 57].

Следующий процесс после «создания» библиопсихологических ценностей – их распространение и циркуляция. Под этим термином Н.А. Рубакин понимал три формы перехода библиопсихологических ценностей: от индивида к индивиду, от индивида к коллективу и от коллектива к индивиду.

Замыкает триаду процесс утилизации библиопсихологических ценностей. Под этим процессом понимается *превращение их в жизнь*. Чтение и слуша-

ние, как отмечал Н.А. Рубакин, – только первые шаги в процессе утилизации, а не сама утилизация; она лишь «приоткрывание дверей». Учёный приводил интересные примеры, связанные не только с умственным трудом, недостаточно организованным и нуждающимся в усовершенствовании, но и, с нашей точки зрения, когнитивностью мыслительной и мнемической деятельности. Данные примеры демонстрировали сравнительную потерю информации от предъявляемого объёма на стадиях восприятия, а затем понимания и запоминания [4, с. 61]. Н.А. Рубакин доказывал, что до читателя доходит очень небольшая часть текста, но никогда весь текст целиком. В утилизации важным этапом является создание текста от себя, который употребляется лично либо выходит в публичную сферу, что означает создание нового библиопсихологического продукта и следующий виток спирали в логике «создания», распространения и утилизации. Это триединство во взаимодействии всех библиопсихологических процессов вызывает чрезвычайные трудности для исследования в целях дальнейшего выбора стратегии для гармонизации и экономизации всего цикла.

В настоящее время не устарели и методологически значимы в контексте библиопсихологии основные задачи библиотечного дела, которые мыслитель сформулировал в 1907 году.

Уже тогда Н.А. Рубакин говорил о принципе демократизации в организации библиотек, утверждая, что «демократизация – это вопрос сближения книги с читателем, с толпой, это вопрос общественного служения всякой книги». Поэтому, открывая домашнюю библиотеку для читающей публики, учёный доказывал, что она «...должна быть организована на самых широких демократических, общественных началах» [6, с. 131].

Н.А. Рубакин писал о необходимости присматриваться к читающей публике, то есть изучать ту среду, в которой и для

которой существует библиотека. Он отмечал системную организацию наук и каталогов в демократичной библиотеке, способную дать «*практическую возможность* для каждого читателя по любой науке идти вперед и вверх, с любой ступени лестницы, куда угодно самому читателю» [6, с. 137].

Ученый сформулировал фундаментальный принцип развития читателя (принцип «лестницы»): «...целая лестница ступеней, ведущая на самые верхи человеческого знания, понимания и настроения, или, выражаясь терминами Гюйо, за началом жизни каждой отдельной личности следует *расширение* этой жизни, углубление, возвышение, интенсификация её. Пусть читатель спрашивает для своего чтения что угодно» [6, с. 139-140]. При этом явно просматривается ещё один принцип – «читателецентризм», борьба за который в противовес «клиенториентированности» идёт на современном этапе для того, чтобы библиотеку как социальный институт окончательно не превратить в сферу услуг. Рубакинский читателецентризм заключался в следующем: не отгонять читателя, показать ему ту лестницу, по которой он может идти вперед и вверх; показать ему значение этой лестницы в деле его *личного* общего образования; дать возможность идти по этой лестнице вперед и вперед, все выше и выше, не теряя из виду значения этого восхождения для практической жизни.

Он упоминал и о бережном отношении к личности каждого читателя, раскрывая перед ним кругозор, широкие и светлые перспективы, указывал ему длинные ряды лучших книг. Самому же читателю мыслитель оставлял право решать – пользоваться ему или не пользоваться данной рекомендацией, читать рекомендуемое или не читать. Квинтэссенция читателецентризма была заключена в девизе Н.А. Рубакина: «Цель библиотечной работы – всегда и везде служить возвышению читателя».

Библиопсихология на современном этапе как никогда важна и нужна для библиотек в сочетании с библио-педагогической и библиотерапевтической работой. Библиотекам в контексте социокультурной политики государства предписывается осуществлять инклюзивную деятельность, расширяя её спектр, что далеко не просто на практике. И в этом плане библиопсихология содержит значительный эвристический потенциал. Особенно актуальным она представляется для библиотек, обслуживающих различные категории читателей. Определённый опыт, связанный с библиопсихологией, в России уже накоплен и требует специального осмысления [См., напр.: 7-8].

Заметим, что любые практики чтения существуют не сами по себе, а зависят от всех социокультурных, экономических, общественных условий. И они должны опираться в своей деятельности на базовую закономерность, сформулированную Н.А. Рубакиным: «Ничто так не характеризует степень общественного развития, степень общественной культуры, как уровень читающей публики в данный исторический момент» [9, с. 35].

В настоящее время нет теоретических подходов к описанию и сравнению практик, методик, технологий чтения, обучения и продвижения чтения, выстроенных на общих методологических принципах. Особая острота проблемы обусловлена цифровизацией, изменением носителей, технологий и текстов, что влияет и на интерпретацию термина «чтение». Оно рассматривается не только как чтение вербальных текстов с бумажных и электронных носителей, но и как комплексное восприятие мультимедийных текстов в разном сочетании разнообразных знаков и их семиотических конструктов. Практика чтения определяется социокультурной и психолого-педагогической миссией в интересах личности и общества. В свою очередь, миссия, содержание, процесс и результат практик

чтения обусловлены выбором теоретико-методологических основ их обоснования и реализации.

В настоящий момент чтение в мультимедийном пространстве противостоит традиционному чтению. Данная ситуация связана со многими факторами, среди которых появление сложных семиотических текстов, сочетающих многообразие библиопсихологических ценностей. Изменился «канон» текстов, доминируют креолизованные тексты, а не вербальные. И в этой ситуации библиопсихология представляется богатейшим концептуальным ресурсом.

Вектор теоретико-методологического обоснования должен быть направлен на семиотическую парадигму чтения, которая была обозначена Н.А. Рубакиным в его библиопсихологии.

Н.А. Рубакин разработал основы вербальной, интервербальной и супервербальной психологии [4, с. 160-186], методологически значимой для практик чтения в условиях цифровизации. Он выделил три главнейшие ступени библиопсихологического изучения любого текста: изучение отдельных слов, их библиопсихологические реакции на читателя; обоюдное влияние и зависимости каждого слова от всех других; синтезирование отдельных слов в мысли или переживания, какие зарождаются в читателе или слушателе при восприятии всей совокупности отдельных слов речи.

В эпоху цифровизации идеи Н.А. Рубакина могут стать методологической базой для осмысления особенностей работы с креолизованными (мультимедийными) текстами и чтения, базирующегося на библиопсихологических ценностях и цифровых технологиях. Правомерно говорить о семиотической, интерсемиотической, супресемиотической психологии. Она позволяет более продуктивно конструировать и развивать читательские практики, возвращать современного читателя, служить его возвышению в сложном цифровом мире [10].

Библиопсихология призвана занять особое положение в сфере образования, поскольку способна создавать человеческий капитал высшего качества независимо от возраста, интегрируя научное и практическое знание, а также приумножая его.

Библиопсихология – трансдисциплинарная наука, статус и корректность названия которой в настоящее время остаются предметом серьезных дискуссий. В частности, обсуждается вопрос о переименовании библиопсихологии в ноокоммунологию, выдвинутой А.В. Соколовым. На наш взгляд, предложение о переименовании выглядит голословным, недостаточно обоснованным. Просто констатируется, что библиопсихология якобы устарела. При этом достаточных аргументов в пользу этой терминологической модернизации не приводится. Нельзя допустить, чтобы специалисты вслед за А. В. Соколовым, бездумно, без опоры на все достижения в различных науках (книговедении, библиотековедении, библиографоведении, социологии, теории коммуникации, психологии, филологии и др.) вводили этот термин в научное пространство. С одной стороны, это внесёт путаницу в дискурс трансдисциплинарной мысли о тексте и его восприятии, с другой – предаст забвению теоретическое наследие Н.А. Рубакина, что далеко небезобидно с точки зрения научной достоверности и нравственности. Библиопсихология должна оставаться именно библиопсихологией.

Если предлагается некая обобщающая метатеория для системы наук и научных дисциплин, тогда и надо обосновывать эту систему наук, не упраздняя прежние названия, произвольно заменяя другими. Следует доказывать органичность встраивания прежних теорий в «новую» метатеорию. К тому же предлагаемая дефиниция ноокоммунологии как обобщающей метатеории, выявляющей основные закономерности смысловой коммуникации в духовной сфере человека и человечества, не

только не перекрывает проблематику библиопсихологии, но и определённым образом сужает и искажает её.

А.В. Соколов считает, что «достоинство этого определения видится в том, что оно не ограничивает объект ноокоммунологии массовой информацией или даже социальной информацией, а распространяет его на духовную сферу человека и человечества, которая по существу и является ноосферой. Тем самым решается вопрос о месте ноокоммунологии (бывшей библиопсихологии) в грядущей ноосфере» [11, с. 384]. Какое это имеет отношение к библиопсихологии Н.А. Рубакина? Вся его библиопсихология пронизана духовностью и отдельной личности, и человечества в космическом и ноосферном смыслах. И этого нельзя не увидеть, читая труды учёного.

Сомнительным представляется утверждение об установлении вопроса о «месте ноокоммунологии (бывшей библиопсихологии) в грядущей ноосфере». Ноосфера только грядёт, а библиопсихологические проблемы надо решать на практике «здесь и сейчас». К тому же пока и «коммунология» находится в стадии становления и неопределённости, несогласованности терминологии в межпредметном и внутрпредметном контекстах [12], не говоря уже о «ноокоммунологии», пока заявившей о себе лишь в сфере документологии. Да и «ноосфера», надо признать, до сего времени является интерпретационной и дискуссионной категорией [13].

На наш взгляд, «бывшая библиопсихология» никуда не исчезла и не исчезнет. Надо признать, что Н.А. Рубакин дал гениально точное название своей теории, которая живёт, приумножается и будет жить. Более того, сам учёный создавал свою теорию с истинной духовной составляющей, что отражалось и в языке его текста.

Несмотря на значительный вклад в библиопсихологию последователей Н.А. Рубакина, приходится констатировать, что его идеи освоены недостаточно, особенно в трансдисциплинарном плане. Ещё предстоит тщательный анализ рубакинской теории с привлечением методологического инструментария учения о ноосфере, коммунологии, когнитивной психологии, психолингвистики и других наук наряду с архивными материалами учёного из фондов РГБ, введенных в научный оборот Ю.Н. Столяровым [14].

Понятно, что в рамках данной статьи рассмотрены лишь отдельные, наиболее важные аспекты библиопсихологии. На современном этапе необходима системная и обстоятельная работа профессионалов, способных выйти за рамки одной науки, не связанных узкопрофильной тематикой. Такая научная деятельность, с одной стороны, требует полидисциплинарного и междисциплинарного знания, с другой – трансдисциплинарного мышления, поскольку сам объект библиопсихологии по своей сущности является трансдисциплинарным.

Список литературы

1. Вальдгард С.Л. Очерки психологии чтения. Москва; Ленинград: Гос. учеб.-пед. изд-во, 1931. 112 с.
2. Рубакин Н.А. Среди книг // Рубакин Н.А. Избранное: в 2 т. Т. 1. Москва: Книга, 1975. С. 105-222.
3. Рубакин Н.А. Психология читателя и книги: краткое введение в библиологическую психологию. Москва: Книга, 1977. 264 с.
4. Рубакин Н.А. Библиологическая психология. Москва: Акад. проект; Трикста, 2006. 800 с.

5. Сорокин Ю.А. Библиопсихологическая теория Н.А. Рубакина // Рубакин Н.А. Библиологическая психология. Москва: Акад. проект; Трикста, 2006. С. 14-24.
6. Рубакин Н.А. Основные задачи библиотечного дела // Н.А. Рубакин. Избранное: в 2 т. Т. 2. Москва: Книга, 1975. С. 127-146.
7. Библиопсихология и библиотерапия. Москва: Шк. б-ка, 2005. 480 с.
8. Библиопсихология. Библиопедагогика. Библиотерапия / Рус. шк. библ. ассоц. Москва, 2014. 272 с.
9. Рубакин Н.А. Этюды о русской читающей публике // Рубакин Н.А. Избранное: в 2 т. Т. 1. Москва: Книга, 1975. С. 33-104.
10. Бородина В.А. Библиопсихология в культуре текстовой деятельности // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2018. № 3 (16). С. 137-141.
11. Соколов А.В. Библиопсихология и ноосфера // Библиотековедение. 2017. Т. 66, № 4. С. 378-385.
12. Шарков Ф.И. Генезис зарубежной и отечественной коммуникологии: темы и парадигмы // Коммуникология: электрон. науч. журн. 2017. Т. 2, № 2. С. 7-26.
13. Назаров А.Г. Добро и зло ноосферы // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В.И. Вернадского. 2005. № 2. С. 161-180.
14. Столяров Ю.Н. Возвращённый Рубакин / Рус. шк. библ. ассоц. Москва, 2019. 416 с.

Сведения об авторе:

Бородина Валентина Александровна, профессор, доктор педагогических наук, профессор кафедры библиотековедения и теории чтения Санкт-Петербургского государственного института культуры

Дворцовая наб., 2, Санкт-Петербург, 191186
sevaread@yandex.ru

Дата поступления статьи: 28.04.2022

Одобрено: 20.06.2022

Дата публикации: 28.06.2022

Для цитирования:

Бородина В.А. Современная библиопсихология в контексте наследия Н.А. Рубакина // Сфера культуры. 2022. № 2 (8). С. 91-100. DOI: 10.48164/2713-301X_2022_8_91

УДК 028+020(092)

DOI: 10.48164/2713-301X_2022_8_91

V.A. Borodina

Saint Petersburg

Saint Petersburg State Institute of Culture

sevaread@yandex.ru

TODAY'S LIBRARY PSYCHOLOGY IN THE CONTEXT OF N.A. RUBAKIN'S LEGACY

An outstanding Russian enlightener N.A. Rubakin left rich scholarly legacy related to the study of psychological and pedagogical aspects of reading. The article deals with the basic theoretical provisions of library psychology, as well as shows the relevance of this field of scholarship and practice for the libraries of today. The author outlines the future of the development of library psychology and library pedagogy in

the reality of the digitalization of reading, proving that no proposals to rename library psychology to "noocommunicology" are tenable.

Keywords: library psychology, heuristics, psychologism, subjectivity, sociality, values of library psychology, digitalization, "noocommunicology," trans-disciplinarity.

References

1. Val'dgard, S.L. (1931) *Ocherki psixologii chteniya* [Essays on the Psychology of Reading]. Moscow; Leningrad: State Educational and Pedagogical Publishing House. (In Russian).
2. Rubakin, N.A. (1975) *Sredi knig* [Among the Books]. Rubakin N.A. *Izbrannoe* [Selected Works] Moscow: Book, Vol. 1, 105-222. (In Russian).
3. Rubakin, N.A. (1977) *Psixologiya chitatelya i knigi: kratkoe vvedenie v bibliologicheskuyu psixologiyu* [Readers' Psychology and Books: A Brief Introduction to Bibliological Psychology]. Moscow: Book. (In Russian).
4. Rubakin, N.A. (2006) *Bibliologicheskaya psixologiya* [Bibliological Psychology]. Moscow: Academic Project; Triksta. (In Russian).
5. Sorokin, Yu.A. (2006) *Bibliopsixologicheskaya teoriya N.A. Rubakina* [N.A. Rubakin's Theory of Library Psychology]. *Bibliologicheskaya psixologiya* [Bibliological Psychology]. Moscow: Academic Project; Triksta, 14-24. (In Russian).
6. Rubakin, N.A. (1975) *Osnovnye zadachi bibliotchnogo dela* [The Main Tasks of the Library Business]. N.A. Rubakin. *Izbrannoe* [Selected Works] Moscow: Book, Vol. 2, 127-146. (In Russian).
7. *Bibliopsixologiya i biblioterapiya* (2005) [Library Psychology and Bibliotherapy]. Moscow: The School Library. (In Russian).
8. *Bibliopsixologiya. Bibliopedagogika. Biblioterapiya* (2014) [Library Psychology. Library Pedagogy. Library Therapy]. Moscow: Russia's School Library Association. (In Russian).
9. Rubakin, N.A. (1975) *E'tyudy o russskoj chitayushhej publike* [Essays on the Reading Audience in Russia]. Rubakin N.A. *Izbrannoe* [Selected Works] Moscow: Book, Vol. 1, 33-104. (In Russian).

10. Borodina, V.A. (2018) Bibliopsixologiya v kul'ture tekstovoj deyatel'nosti [Library Psychology in the Culture of Textual Activity]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury* [Bulletin of the St. Petersburg State Institute of Culture], No. 3 (16), 137-141. (In Russian).
11. Sokolov, A.V. (2017) Bibliopsixologiya i noosfera [The Library Psychology and the Noosphere]. *Bibliotekovedenie* [The Library Studies], Vol. 66, No. 4, 378-385. (In Russian).
12. Sharkov, F.I. (2017) Genезis zarubezhnoj i otechestvennoj kommunikologii: temy i paradigmy [Topics and Paradigms of the Genesis of Communicology in Russia and Abroad]. *Kommunikologiya: e'lektronnyj nauchnyj zhurnal* [The Digital Scientific Journal "Communicology"], Vol. 2, No. 2, 7-26. (In Russian).
13. Nazarov, A.G. (2005) Dobro i zlo noosfery [The Good and Evil of the Noosphere]. *Voprosy sovremennoj nauki i praktiki. Universitet imeni V.I. Vernadskogo* [Issues of Today's Scholarship and Practice. The V.I. Vernadsky University], No. 2, 161-180. (In Russian).
14. Stolyarov, Yu.N. (2019) *Vozvrashhyonnyj Rubakin* [Rubakin Returned]. Moscow: Russia's School Library Association. (In Russian).

About the author:

Valentina A. Borodina, Doctor of Pedagogy, Professor at the Department of Library Studies and Theory of Reading of the Saint Petersburg State Institute of Culture

2 Palace Quay (Dvortsovaya naberezhnaya), Saint Petersburg, 191186
sevaread@yandex.ru